

Л.Н. Славина*

**КАК ИЗМЕНИЛОСЬ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ.
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ЕЕ РАДИКАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**doi:10.31518/2618-9100-2023-4-15
УДК 94:314.1(571.1/5)"1991/2022"*Выходные данные для цитирования:**Славина Л.Н. Как изменилось население сибирской деревни. Демографические последствия ее радикальной трансформации // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 203–217. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-15.pdf>*

L.N. Slavina*

**HOW THE POPULATION OF THE SIBERIAN VILLAGE
HAS CHANGED. THE DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES
OF ITS RADICAL TRANSFORMATION**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-15

*How to cite:**Slavina L.N. How the Population of the Siberian Village has Changed. The Demographic Consequences of Its Radical Transformation // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 203–217. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-15.pdf>]*

Abstract. In the article, using the example of the rural population of the Krasnoyarsk Territory, the problem of the nature and degree of influence of radical reforms on the demographic sphere of the village in the 1990–2000s is studied. On the basis of statistics, three groups of processes that determined the reproduction of the population are analyzed: mechanical movement, shifts in demographic structures, and natural increase. The processes in the villages of the region are compared with those in the Krasnoyarsk cities and villages of Russia as a whole. Long-term factors and specific reasons for strong changes in indicators in time series and deviations from the average Russian parameters are identified. It has been established that with the general radical transformation of the village, its demographic sphere has not changed radically, but strongly. The trends formed earlier continued to develop in the same direction. The regional processes took place in the context of the all-Russian, but at a higher pace, had a common quality with them, but differed in parameters. They continued to modernize, which is evidenced by the aging of the birth rate, a sharp decline in infant mortality and other signs. Since 1993, the regime of population reproduction has deteriorated fundamentally – the expanded growth has been replaced by depopulation. It is proven that the reason for this was not the reforms. In the new era, rural society was already in a state of demographic crisis, and reforms have aggravated it. Krasnoyarsk residents suffered especially heavy demographic losses. They had a higher rate of decline in numbers, aging, and an increase in mortality from all diseases. If at the turn of the 1990s most of their demographic characteristics were better than those of the rural population of Russia as a whole, they soon lost their advantages. The study once again reminds us that due to the uneven demographic development of territories and different groups of the population, their differentiated study is necessary, taking into account the all-Russian long-term development trends. This is the only way to understand the nature and strength of the impact of extreme changes in Russia on the reproduction of the population, its current state and development prospects.

Keywords: post-Soviet decades, rural population reproduction, depopulation, Krasnoyarsk Krai, Siberia.

The article has been received by the editor on 16.05.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Людмила Николаевна Славина**, доктор исторических наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия, e-mail: 200146@mail.ru
Lyudmila Nikolaevna Slavina, Doctor of Historical Sciences, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: 200146@mail.ru

Аннотация. На примере сельского населения Красноярского края исследуется проблема характера и степени влияния радикальных реформ на демографическую сферу деревни в 1990–2000-х гг. На основе статистики анализируются три группы процессов, определявших воспроизводство населения: механическое движение, сдвиги в демографических структурах и естественный прирост. Процессы в деревнях края сравниваются с аналогичными в красноярских городах и деревнях России в целом. Выделены долгосрочные факторы и конкретные причины сильных изменений показателей в динамических рядах и отклонений от среднероссийских параметров. Установлено, что при общей радикальной трансформации деревни ее демографическая сфера изменилась не радикально, но сильно. Сформировавшиеся ранее тренды продолжали развиваться в прежнем направлении. Краевые процессы шли в контексте общероссийских, но более высокими темпами, имели общее с ними качество, однако различались параметрами. Они продолжали модернизироваться, что доказывают постарение рождаемости, резкое снижение младенческой смертности и другие признаки. С 1993 г. режим воспроизводства населения ухудшился принципиально – расширенный прирост сменился депопуляцией. Доказано, что причиной этого были не реформы. В новую эпоху сельский социум входил уже в состоянии демографического кризиса, а реформы обострили его. Красноярцы понесли особенно тяжелые демографические потери. У них были выше темпы сокращения численности, старения, роста смертности от всех болезней. Если на рубеже 1990-х гг. большинство демографических характеристик у них было лучше, чем у сельских жителей России в целом, то вскоре они потеряли свои преимущества. Исследование в очередной раз напомнило, что из-за неравномерности демографического развития территорий и разных групп населения необходимо их дифференцированное изучение с учетом общероссийских долгосрочных тенденций развития. Лишь так можно понять характер и силу влияния экстремальных перемен в России на воспроизводство населения, его современное состояние и перспективы развития.

Ключевые слова: постсоветские десятилетия, воспроизводство сельского населения, депопуляция, Красноярский край, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023 г.

Постановка проблемы. Постсоветское тридцатилетие уже вошло в историю сибирской деревни как период глубоких и драматических перемен, вызванных трансформацией общественного строя России. В деревне менялось все начиная с ее первоосновы – населения¹. Но насколько радикальными были изменения в нем и в чем конкретно состояли, мало кому известно. Современное сельское население Сибири, особенно ее восточной части, практически не изучается, хотя потребность в этом очевидна. Информация о нем встречается в коллективных монографиях историков «Миграция населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI», «Демографическая история Западной Сибири», исследованиях А.А. Бурматова, В.А. Кышпанаква, автора настоящей статьи, в работах экономистов². Но даже в совокупности они не дают представления о развитии сельского населения в постсоветском периоде. Для этого нужен специальный анализ, причем дифференцированный по разным территориям, так как Сибирь отличается большим внутренним разнообразием.

¹ См.: Вербицкая О.М. Российское село в 1990-е гг.: аграрная политика и социум. М.; СПб., 2022.

² Миграция населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск, 2011; Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Новосибирск, 2017; Бурматов А.А. Воспроизводство населения Западной Сибири в условиях перехода к рынку (1989–2002 годы) // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 187–202; Кышпанаква В.А. Население Хакасии в постсоветском периоде (1992–2022 годы). Абакан, 2022; Славина Л.Н. Население Восточной Сибири в контексте трансформации региона в постсоветские десятилетия // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Материалы: в 2 т. Иркутск, 2017. С. 55–60; Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири // Формирование демографического потенциала Сибири. Новосибирск, 2014; Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития // ЭКО. 2020. № 8. С. 48–65; и др.

Настоящая работа посвящена анализу демографического развития сельского населения Красноярского края. Нижнюю границу исследования – рубеж 1980–1990-х гг. – определило окончание советской и начало новой исторической эпохи, верхнюю – 2019–2022 гг. – изменение ситуации в связи с пандемией COVID-19. Эти события стали поворотными и в демографической сфере общества. Цель данной работы – выяснить характер и силу влияния радикальных реформ на воспроизводство сельского населения края. Заявленная проблематика потребовала решить ряд задач: 1) реконструировать динамику численности сельского населения и ее составляющих; 2) проследить изменение его демографической структуры; 3) определить основные тренды в механическом и естественном движении населения, их особенности в красноярских деревнях; 4) оценить характер изменений в демографическом поведении сельских жителей и их современное демографическое качество.

Поставленные задачи решаются на основе государственной статистики – итогов всеобщих переписей населения и текущей демографической статистики, опубликованной или размещенной на веб-ресурсах Росстата и Красноярскстата в Интернете. Для составления ретроспективных трендов процессов использовались данные из ЕМИСС (Единой межведомственной информационно-статистической системы), содержащей показатели по РФ и регионам³.

Характер источников обусловил выбор в качестве основных демографо-статистических методов исследования. Использование сравнительно-исторического подхода позволило проследить изменение объекта изучения – сельского населения края – во времени, сопоставить перемены в его демографическом облике с аналогичными в облике горожан края и сельских жителей Российской Федерации. Изменения в населении рассматриваются в контексте общественно-политических и экономических процессов.

Численность населения. Первый показатель состояния населения – динамика численности – свидетельствует о большом неблагополучии в Красноярском крае. После распада СССР его население начало быстро убывать и сократилось с 3 164,2 тыс. чел. в 1992 г. до 2 849,2 тыс. в 2022 г. – на 10,0 против 2,0 % в России (с Крымом). В крае стало на 111,1 тыс. меньше горожан (–4,8 %) и на 203,9 тыс. сельских жителей. Число последних уменьшилось с 833,7 тыс. до 629,8 тыс. чел. – на 24,5 против 6,1 % в Российской Федерации⁴.

Сельское население сокращалось в течение всего тридцатилетия, но в 2005, 2006, 2008, 2011 и 2013 гг. был небольшой прирост, составивший в общей сложности 20,5 тыс. чел. (табл. 1). Процесс шел неровно. До середины «нулевых» годов деревня жила в режиме «демографического сжатия», ежегодно теряя население. В 2005 г. оно составляло 704,6 тыс. чел. – 84,5 % от численности в начале 1992 г. В следующем десятилетии динамику процесса «лихорадило», и население еще сократилось к 2014 г. до 672,0 тыс. – 80,6 %. С 2015 г. рост потерь снова стал устойчивым, и в итоге к 2022 г. в деревнях края осталось 629,8 чел. – 75,5 % от уровня 1992 г.

Убыль сельского населения после 1991 г. отмечалась в 42 из 44 муниципальных районов края. Оно выросло лишь в Емельяновском (+59,0 % в 2022 г.) и Березовском (+17,2 %) районах, примыкающих к Красноярску. Размеры убыли очень неравномерные. В пяти районах население сократилось менее чем на 10 %, в четырех – на 10–20 %, в девяти – на 20–30 %, в семи – на 30–40 %, в одиннадцати – на 40–50 %, в трех – более чем на 50 %. По размерам потерь сельских жителей Красноярский край находится среди первых в СФО, а в крае «лидирует» Кежемский район, где их число уменьшилось в 4,2 раза (с 17,4 до 4,1 тыс. чел.).

Доля сельских жителей в населении края сократилась больше, чем в России. В 1992 г. она была такой, как в стране, – 26,3 и 26,4 %, а к 2022 г. снизилась до 22,1 % против 25,2 % в РФ. Это результат не особых успехов индустриализации и урбанизации края, а глубокого кризиса его деревни.

³ Все цифры в тексте, на которые нет сносок, приводятся по данным ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ ЕМИСС. Численность населения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 10.05.2023). Здесь и далее все даты, кроме оговоренных, приводятся на начало года.

Таблица 1

Размеры ежегодного общего прироста/убыли сельского населения
в Красноярском крае в 1991–2021 гг., чел.

Год	Прирост/убыль	Год	Прирост/убыль	Год	Прирост/убыль
1991	+8 297	2001	–11 179	2011	+685
1992	+2 018	2002	–11 955	2012	–3 284
1993	–5 797	2003	–8 356	2013	+7 087
1994	–22 743	2004	–3 576	2014	–6 898
1995	–12 715	2005	+4 361	2015	–4 588
1996	–11 074	2006	+2 867	2016	–5 262
1997	–11 110	2007	–13 796	2017	–4 843
1998	–10 944	2008	+5 475	2018	–5 334
1999	–9 011	2009	–5 083	2019	–1 018
2000	–12 697	2010	–11 989	2020	–5 183
				2021	–9 035

Источник: ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31272> (дата обращения: 10.05.2023).

Огромные потери сельских жителей – не новость для края. С 1959 по 1989 г. их число сократилось на 27,3 % против 29,1 % в РСФСР⁵. Но тогда это произошло только из-за механического оттока населения, а с 1993 г. к нему добавилась и естественная убыль.

В рассматриваемом тридцатилетии воспроизводство и демографическое развитие сельского социума края определяли, как всегда, три группы процессов: механическое и естественное движение, сдвиги в демографической структуре.

Первую группу процессов составляли миграция и административные преобразования городских поселений в сельские, и наоборот (АТП). Они шли особенно активно в первые 20 лет. Тогда за счет смены статуса поселений число сельчан приросло на 32,3 тыс. чел.⁶ Но это менее чем на треть компенсировало ущерб от миграции, сальдо которой почти всегда было отрицательным. Население из деревни «выталкивали» проблемы с трудоустройством, падение уровня и качества жизни, закрытие школ, ФАПов и пр. Миграционные потери начались в 1993 г. с 2 877 чел., в следующем году взлетели до 18 427 чел., в 1995 г. сократились до 8 802 чел. (табл. 2). Затем их динамика приобрела немонотонный характер с большими колебаниями по годам (от –7,7 тыс. до –1,9 тыс. чел.). В первом постсоветском десятилетии (1993–2000 гг.) потери деревень от миграции были самыми масштабными – 62,1 тыс. чел. В «нулевых» годах отток людей стал ровнее, меньше различался по годам и в общем снижался. А механический прирост в 2005, 2006 и 2008 гг. обеспечили, как и в дальнейшем, преобразования ПГТ в сельские поселения. За 2001–2010 гг. миграция «унесла» 42,8 тыс. чел. В целом же механическая убыль населения (с учетом АТП) с 1993 по 2010 г. составила 72,7 тыс. чел.

⁵ Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР: стат. сб. М., 1982. С. 20–21; Численность, состав и движение населения в Российской Федерации: стат. сб. М., 1992. С. 25, 27; ЕМИСС. Миграция населения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31272> (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ Рассчитано по: Демографический ежегодник Красноярского края. 2010: стат. сб. Красноярск, 2011. С. 10.

Таблица 2

Механический прирост/убыль сельского населения
Красноярского края в 1991–2021 гг., чел.

Год	Прирост/убыль	Год	Прирост/убыль	Год	Прирост/убыль
1991	+12 095	2001	–6 343	2011	+1 210
1992	+1 524	2002	–6 366	2012	–3 422
1993	–2 877	2003	–2 590	2013	+6 895
1994	–18 427	2004	–1 706	2014	–6 820
1995	–8 802	2005	+10 477	2015	–3 134
1996	–7 245	2006	+7 100	2016	–3 690
1997	–7 117	2007	–11 512	2017	–3 055
1998	–7 211	2008	+7 460	2018	–3 071
1999	–3 844	2009	–3 811	2019	+1 849
2000	–7 278	2010	–5 995	2020	–1 144
				2021	–3 570

Источник: ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31272> (дата обращения: 10.05.2023).

Примечание: показатели включают сальдо миграции и итоги АТП.

После 2010 г. сальдо миграции продолжало оставаться отрицательным. При этом миграционный потенциал деревни истощался, уменьшался ежегодный миграционный оборот. Совокупные потери сельского населения края от миграции и АТП за 2011–2021 гг. составили 29,5 тыс. чел., а за весь тридцатилетний период, по нашим подсчетам, – 102,2 тыс. К сожалению, эта статистика далеко не точная, так как в сельской местности очень плохо ведется учет миграции. По данным Росстата можно судить лишь об основных ее трендах и примерных объемах потоков.

Демографическая структура населения. Под воздействием реформ активизировалась вторая группа процессов – структурных, которые во многом определяют количество демографических событий по годам. Возрастно-половая (демографическая) структура вступавших в новый этап развития сельских жителей была изрядно деформированной катаклизмами XX в. Теперь стали добавляться новые внешние воздействия.

Глобальный тренд структурных процессов в демографической сфере – старение населения. Сельские жители края, как и всей России, находятся в нем с XX в. В советское время они старели медленнее сельских жителей РСФСР и оставались намного моложе. В 1989 г. лица в возрасте 60 лет и старше составляли среди них 11,2 %, а в населении российских деревень – 18,4 %. По принятой в России шкале старения красноярцы находились в преддверии старости, сельские жители РСФСР – на ее высоком уровне.

С конца 1980-х гг. из-за падения рождаемости и роста оттока молодежи из деревни темпы старения красноярцев ускорились и стали выше среднероссийских. К 2002 г. удельный вес когорт старше 60 лет вырос среди них до 15,2 %, к 2010 г. – до 16,1 %. В конце «нулевых» годов процесс еще более активизировался в связи с вступлением в старший возраст многочисленных поколений 1950-х гг. В 2019 г. доля лиц старше 60 лет у красноярцев стала такой же, как у сельчан России, – 22,5 %. Пандемия COVID-19, вызвав всплеск смертности в старших когортах, затормозила старение. В начале 2022 г. лица старше 60 лет

по-прежнему составляли в деревнях края 22,5 % против 22,4 % в селах РФ⁷. Теперь население края и России находится в одной фазе – глубокой старости.

Вместе с ростом удельного веса старших поколений в сельском населении снижалась доля детей и подростков в возрасте 0–15 лет. В 1989 г. они составляли 28,7 %, на одного «старика» старше 60 лет приходилось по 2,6 «ребенка». В 2018 г. их численность сравнялась, а в начале 2022 г. удельный вес детей составлял 21,2 % против 22,5 % «стариков».

С постарением деревни ухудшался ее трудоспособный контингент. Сначала его доля в населении выросла с 54,0 % в 1989 г. до 59,4 % в 2010 г. благодаря вступлению в рабочий возраст многочисленных поколений 1970–1980-х гг. рождения, а в пенсионный – малочисленных поколений 1940-х. Но на рубеже 2010-х гг. рабочего возраста стали достигать рожденные в 1990-х гг. немногочисленные дети, а пенсионного – многочисленные поколения конца 1940-х – начала 1960-х гг. Удельный вес трудоспособных лиц в населении начал падать. К старту пенсионной реформы в 2019 г. он составлял 51,6 %. Повышение границы пенсионного возраста проблему трудовых ресурсов не решило. В 2022 г. в деревнях края рабочий возраст (в новых границах) имели 337,7 тыс. жителей – на 24,7 % меньше, чем в 1989 г. (448,1 тыс.).

Структура иждивенческой нагрузки в деревнях края значительно изменилась и стала хуже, чем в деревнях РФ (табл. 3). Сначала она «полегчала» почти на 20 %, но после 2007 г. снова начала «тяжелеть». Ухудшилось ее качество: к 2019 г. нагрузка детьми снизилась на 20,0 % по сравнению с 1989 г., а «стариками» – на 12,0 % выросла. Число иждивенцев приблизилось к числу кормильцев. Повышением пенсионного возраста бремя нагрузки удалось ослабить. В 2022 г. на тысячу работников приходилось 395 детей и 470 пенсионеров, всего 865 чел. Но этот ход тактический, сельский социум стареет быстро.

Таблица 3

Демографическая нагрузка на трудоспособное сельское население в Красноярском крае и РСФСР/РФ в 1989–2019 гг.

Красноярский край				РСФСР/РФ			
Год	На 1 000 чел. трудоспособных приходится			Год	На 1 000 чел. трудоспособных приходится		
	детей 0–15 лет	пенсионеров 55/60 лет и старше	всего		детей 0–15 лет	пенсионеров 55/60 лет и старше	всего
1989	518	318	836	1989	512	428	940
2002	393	350	743	2002	383	402	785
2010	328	356	684	2010	316	374	690
2019	418	519	937	2019	379	505	884

Составлено по: Возрастной состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. С. 29, 306; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. М., 2004. С. 16, 240; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. М., 2012. С. 16, 240; Красноярский краевой статистический ежегодник, 2022. Красноярск, 2022. С. 40; Демография [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.05.2023).

⁷ Возрастной состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. С. 29, 306; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. М., 2004. С. 16, 240; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. М., 2012. С. 16, 240; Красноярский краевой статистический ежегодник, 2022. Красноярск, 2022. С. 40; Годовые сборники [Электронный ресурс]. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/30015> (дата обращения: 10.05.2023).

Вместе со старением в населении менялось соотношение численности полов. До 1990-х гг. в деревнях края оно было ровнее, среди жителей преобладали мужчины, а не женщины, как в городах края и деревнях РСФСР (табл. 4), и женский перевес начинался с 55 лет, а не с 45, как в сельском населении России. Из-за роста мужской сверхсмертности в 1990-х гг. в деревнях края тоже стало больше женщин, и все последующее время их численный перевес увеличивался, тогда как у среднестатистических сельчан России уменьшался. К 2020 г. показатели в деревнях края и России практически сравнялись – 1 068 и 1 070 женщин на 1 000 мужчин, и перевес женщин везде начинается с 45 лет.

Таблица 4

Соотношение численности полов в населении Красноярского края и РСФСР/РФ в 1989–2020/2021 гг. (по переписям населения)

Территория	Число женщин на 1 000 мужчин			
	1989	2002	2010	2020/2021
Красноярский край: деревня	974	1 051	1 051	1 068
Красноярский край: город	1 092	1 149	1 178	1 175
РФ: деревня	1 125	1 099	1 094	1 070

Составлено по данным табл. 3.

Характер естественного движения – третьей, основной группы процессов, определявших воспроизводство населения, – в крае остался таким же, как в России в целом. Качественных отличий у красноярцев не появилось, различались лишь параметры процессов. Развивавшиеся в 1990–2000-х гг. демографические тренды сформировались в XX в. Тогда в основном осуществилась, но не завершилась модернизация воспроизводства населения – демографический переход. Жители Красноярского края, особенно сельские, отставали в этом переходе от среднестатистических россиян. После 1991 г. они продолжили его, но уже темпами выше среднероссийских.

В постсоветский период жители России входили в условиях нарастающего кризиса рождаемости и смертности, из-за чего стремительно падал естественный прирост населения. В красноярских деревнях он был выше, составлял в 1991 г. 3,3 ‰ против 1,1 ‰ в деревнях РСФСР и обеспечивал замещение поколений с «запасом». Но ситуация ухудшалась стремительно, особенно в крае (табл. 5).

Таблица 5

Основные показатели воспроизводства сельского населения Красноярского края и РСФСР/РФ в 1987–2021 гг.

Год	Красноярский край			РСФСР/РФ		
	на 1 000 жителей число			на 1 000 жителей число		
	рождений	смертей	естественный прирост	рождений	смертей	естественный прирост
1987	20,9	10,8	10,1	18,6	12,7	5,9
1991	15,2	11,9	3,3	14,5	13,4	1,1
1992	13,6	13,0	0,6	13,2	14,1	-0,9
1993	11,8	15,3	-3,5	11,5	16,4	-4,9

Окончание табл. 5

Год	Красноярский край			РСФСР/РФ		
	на 1 000 жителей число			на 1 000 жителей число		
	рождений	смертей	естественный прирост	рождений	смертей	естественный прирост
1994	11,5	16,8	-5,3	11,4	17,5	-6,1
1999	10,0	16,8	-6,8	9,6	16,7	-7,1
2005	11,6	20,3	-8,7	11,0	18,6	-7,6
2010	15,0	16,9	-1,9	14,0	16,1	-2,1
2011	15,1	15,9	-0,8	14,1	15,2	-1,1
2012	16,1	15,9	+0,2	14,7	14,8	-0,1
2013	15,9	15,6	+0,3	14,5	14,5	-0,02
2014	15,6	15,7	-0,1	14,4	14,5	-0,1
2016	13,3	15,7	-2,4	12,2	14,2	-2,0
2019	10,8	15,2	-4,4	9,8	13,3	-3,5
2020	10,1	16,4	-6,3	9,6	15,4	-5,8
2021	10,4	19,0	-8,6	9,5	17,5	-8,0

Источник: Население [Электронный ресурс]. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32970> (дата обращения: 10.05.2023).

В естественном движении населения Красноярского края в постсоветское время выделяются два цикла (периода). Первый имел длинную фазу с конца 1980-х гг. до середины «нулевых», когда ухудшались параметры всех процессов, и короткую фазу их улучшения, продолжавшуюся до середины 2010-х гг. С 2015 г. идет первая фаза второго цикла, отмеченная ухудшением всех показателей, которое усугубилось пандемией COVID-19.

Рождаемость. До середины «нулевых» годов репродуктивная сфера России развивалась почти без поддержки государства. Тогда росло число потенциальных матерей, поскольку в детородный возраст входило многочисленное поколение 1970–1980-х гг. Но люди не спешили заводить детей в условиях тотального кризиса в стране и массово откладывали это событие «на потом». Везде ускорилось сокращение числа ежегодных рождений из-за обвала уровня рождаемости (интенсивности рождений). Его показатель – суммарный коэффициент рождаемости (СКР) – составлял в 1986–1987 гг. в деревнях края 3,451 (ребенка на одну женщину) против 3,162 по селам РСФСР⁸. В 1992 г. он упал до 2,369, а в 1994 г. – до 1,990, почти до среднего по селам России (1,917) (табл. 6).

У красноярцев уровень рождаемости падал во всех возрастах, и миллениум они встретили с самыми низкими показателями. В 1999 г. СКР в красноярских деревнях упал до 1,661 против 1,534 в деревнях России. Он снизился по всем районам края и везде, кроме двух, опустился ниже уровня простого воспроизводства (2,10–2,15). Но его размеры колебались, например, в 2003–2005 гг. – от 1,317 в пригородном Емельяновском районе до 2,185 в таежном Партизанском⁹.

⁸ Демографический ежегодник Красноярского края... С. 42; Демографический ежегодник России. 2006. М., 2006. С. 93.

⁹ Демографический ежегодник Красноярского края... С. 44–45.

Таблица 6

Повозрастные и суммарные коэффициенты рождаемости
в сельской местности Красноярского края в 1990–2021 гг.

Год	Родившиеся живыми на 1 000 женщин в возрасте, лет							Суммарный коэффициент рождаемости
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	
1990	102,1	214,1	115,5	69,4	32,8	11,1	0,5	2,850
1992	88,6	186,8	93,5	51,6	25,5	7,5	0,9	2,369
1999	57,4	130,4	79,1	37,5	15,8	3,8	0,2	1,661
2006	48,7	152,8	86,5	43,8	18,7	3,4	0,2	1,781
2007	49,4	152,3	103,4	59,9	23,9	4,7	0,2	1,981
2014	55,2	218,1	155,7	88,4	41,7	8,2	0,2	2,908
2019	35,5	106,9	158,0	88,6	39,6	8,4	0,5	2,250
2020	33,9	97,0	135,2	94,8	40,1	9,0	0,2	2,120
2021	31,6	98,8	129,6	106,7	45,0	8,2	0,6	2,190
Города края	11,9	68,0	86,6	63,8	37,0	8,4	0,4	1,390
РФ: село	21,3	85,0	106,1	80,7	41,6	9,3	0,4	1,730

Источник: Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>; <https://www.fedstat.ru/indicator/30973> (дата обращения: 10.05.2023).

Общий подъем рождаемости в деревнях края, как и в России, обозначился в «нулевых» годах, когда социально-экономическая ситуация стала улучшаться, а женский репродуктивный контингент был еще многочисленным. С 2000 г. у красноярцев начал робко и неустойчиво расти СКР и проявилось уже идущее в России с середины 1990-х гг. постарение репродуктивного процесса – рост рождаемости в более зрелых возрастах, так как женщины стали реализовывать отложенные ранее рождения. Средний возраст матерей при рождении детей в деревнях края вырос с 24,34 в 1995 г. до 24,96 в 2000 г. и 26,01 года в 2009 г., в городах – с 24,65 до 25,76 и 27,59 года соответственно. Сельские матери России «постарели» за этот срок с 24,60 до 26,80 года¹⁰. В 2010-х гг. процесс продолжился.

В 2007 г. с активизацией прокреативной политики государства рост рождаемости ускорился. Сельчане живо реагировали на материнский капитал, краевую программу «4Д (дом, демография, деревня, дети)» и другие меры властей. Уровень рождаемости повысился во всех возрастах (табл. 6). В группе 20–24-летних женщин он вырос с 2007 по 2014 г. на 43,2 %, 25–29-летних – на 50,6 %, 30–34-летних и старше – вдвое. В 2009 г. СКР пересек границу простого воспроизводства (2,161), а в 2014 г. достиг 2,908 – наилучшего после 1988 г. показателя, стал выше, чем в городах (1,610) и деревнях России (2,320)¹¹. Число новорожденных в деревнях края увеличилось с 7,9 тыс. в 2000 г. до 8,3 тыс. в 2006 г. и 10,7 тыс. в 2012 г., почти до уровня 1992 г.¹²

¹⁰ Демографический ежегодник Красноярского края... С. 76; Демографический ежегодник России. 2019. М., 2019. С. 66; Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 01.05.2023).

¹¹ Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 01.05.2023).

¹² Число родившихся (без мертворожденных) за год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31606> (дата обращения: 01.05.2023).

Однако, достигнув максимального за постсоветское время показателя, количество рождений с 2013 г. снова начало сокращаться. Причиной стало ухудшение структурного фактора – начало вступления в лучший детородный возраст малочисленного поколения 1990-х и выход из него когорт 1970-х гг. В деревнях края, как по всей России, наступило длительное сокращение числа потенциальных матерей. С 2015 г. еще стал падать уровень рождаемости. В 2019 г. СКР снизился до 2,250, а число новорожденных уменьшилось на 35,5 % по сравнению с 2012 г.

Второе за постсоветские годы падение уровня рождаемости отличается от первого. В 1990-х гг. оно шло во всех возрастах, теперь – лишь в когортах до 25 лет, а в остальных наблюдается рост. С 2017 г. впервые в деревнях края самая высокая рождаемость стала отмечаться у 25–29-летних женщин, а не у 20–24-летних, как было с 1950-х гг. В городах края это случилось в 2007 г., в деревнях РФ – тоже в 2017 г.

Пандемия COVID-19 практически не нарушила детородного процесса у красноярцев. В 2020 г. рождались дети, зачатые до нее. И в 2021 г. процесс не обрушился, чего опасались. Но СКР в деревнях края впервые с 2008 г. вернулся на границу простого воспроизводства (2,120 и 2,190 в 2020–2021 гг.).

Главным итогом трансформации рождаемости в красноярской деревне стало уменьшение ежегодного количества новорожденных с 12 527 чел. в 1991 г. до 6 568 в 2021 г., практически вдвое при сокращении населения на четверть. В этом «виноваты» оба фактора: и структурный – уменьшилось число матерей, и поведенческий – упал уровень рождаемости. Репродуктивное поведение сельчан перестроилось, изменился режим рождаемости. До 1990-х гг. она молодела: основные рождения концентрировались в возрастах до 25 лет, что делало процесс уязвимым из-за больших перепадов в численности смежных поколений женщин. Теперь рождаемость стареет: по сравнению с началом 1990-х гг. ее уровень вырос во всех когортах с 25 лет и сократился в более молодых возрастах. Расширение возрастных границ сделало детородный процесс более устойчивым. Это одно из немногих демографических достижений.

Перспективы развития рождаемости в красноярских деревнях плохие, хотя там ее уровень выше, чем в России и в городах края. Он, как показала перепись 2020 г., давно стабилизировался на границе простого воспроизводства, а повышение его в 2000-х гг. – временный ответ на прокреативные меры властей. Тогда он был положительным, а теперь сельчане реагируют слабо. К тому же сокращение числа сельских женщин в лучших репродуктивных возрастах продолжится до 2030-х гг. Его усугубляет женская миграция из деревни, которую не удастся остановить с 1950-х гг.

Смертность. Смертность в деревнях края имела больше особенностей, чем рождаемость. Ее общий коэффициент в 1991 г. составлял 11,9 ‰ (табл. 5). Он был ниже среднего по сельской России (13,4 ‰), но лишь потому, что среди красноярцев было меньше стариков. Уровень же смертности (интенсивность вымирания) у них был выше во всех возрастах начиная с младенцев.

Постсоветский период начался на волне ухудшения всех показателей смертности. Ее рост, шедший с 1988 г., ускорился в 1990-х гг. и продолжался до середины «нулевых». С конца 1990-х гг. ее общий коэффициент в деревнях края стал выше среднероссийского, а в 2005 г. достиг максимума – 20,3 против 14,2 ‰ в городах края и 18,6 ‰ в деревнях РФ¹³. Двукратный рост смертности за неполные 20 лет (при полуторакратном по селам РФ) лучше всех показателей отразил шок красноярцев от деградации экономики и падения уровня жизни, разрушения системы здравоохранения. Разница между показателями смертности в районах была огромной. Так, в 2005 г. ее общие коэффициенты колебались от 9,4 ‰ на Таймыре до 26,7 ‰ в Боготольском районе в центре края¹⁴.

Благодаря улучшению ситуации в России и реализации ряда социальных мер, начиная с Национального проекта «Здоровье», рост смертности удалось остановить. С 2006 г. началось

¹³ Смертность от всех причин, случаев на 1 000 населения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43516> (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁴ Демографический ежегодник Красноярского края... С. 32–39.

ее снижение. Ее общий коэффициент упал до 15,9 ‰ в 2011 г., затем замедлил движение и замер в 2017–2019 гг. на 15,2 ‰. Но пандемия вновь вызвала его рост до 19,0 ‰ в 2021 г.

Структура причин смертности точно характеризует состояние социума. Накануне распада СССР причины смерти в деревнях края были уже весьма модернизированными, главной угрозой для жизни стали сердечно-сосудистые и онкологические болезни (табл. 7). Их уровень был ниже среднероссийского, но быстро рос. Сельская медицина не справлялась с этими заболеваниями, а часто и с традиционными, уже излечимыми. Так, смертность от инфекционных и паразитарных болезней в деревнях края была в 1,5 раза выше, чем в городах и в сельской России. Больше людей умирало и от внешних травматических воздействий.

Таблица 7

Коэффициенты смертности по основным классам причин смерти
в Красноярском крае и в России в 1991–2019 гг.

	Число умерших на 100 тыс. жителей					
	Класс 1	Класс 2	Класс 3	Класс 4	Класс 5	Класс 6
1991						
Красноярский край, деревня	23,9	72,7	34,6	574,1	179,7	194,7
город	14,7	38,6	25,2	394,4	170,8	132,1
РСФСР, деревня	15,3	89,5	29,9	741,3	188,3	170,6
2005						
Красноярский край, деревня	48,7	114,2	92,7	956,8	201,4	368,1
город	35,5	75,5	89,0	656,1	192,7	266,1
РСФСР, деревня	28,6	87,6	60,5	1066,4	181,3	257,3
2019						
Красноярский край, деревня	35,8	90,4	113,4	713,1	272,4	180,0
город	34,7	62,9	80,0	553,8	220,7	107,0
РСФСР, деревня	19,7	53,2	67,1	586,3	184,7	115,1

Источник: Демография [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.05.2023).

Примечание: Классы причин смерти: 1 – инфекционные и паразитарные болезни; 2 – болезни органов дыхания; 3 – болезни органов пищеварения; 4 – болезни системы кровообращения; 5 – новообразования; 6 – внешние воздействия: отравления, травмы и несчастные случаи без травм на транспорте, убийств и самоубийств.

Начало реформ, вызвавшее сильный стресс у населения, резко обострило кризис смертности. Ее уровень в деревнях края поднялся во всех возрастах и от всех причин. С 1991 по 2005 г. в 1,7 раза выросла смертность от болезней системы кровообращения, в 1,2 – от новообразований, в 2,1 – от инфекционных и паразитарных заболеваний, в 2,4 – от болезней органов пищеварения, в 1,5 раза – органов дыхания. В дальнейшем красноярцы обогнали сельчан России по всем показателям. Уровень смертности от болезней системы кровообращения в 1991 г. составлял у них 77 % от среднероссийского, в 2005 г. – 90 %, а в 2019 г. – 123 %, от онкологических болезней – 95,4, 111,1 и 147,5 % соответственно. Конечно, такой рост вызвало не столько постарение красноярцев, сколько ухудшение их жизни.

Силу шока от реформ особенно видно по росту смертей от внешних причин. Деревни края давно отличались их широким распространением. В конце 1950-х гг. они вышли

на второе место по числу жертв и оставались на нем до 2013 г., оттеснив новообразования на 3-е место. А по уровню убийств и самоубийств, случаев отравления алкоголем деревни края «лидировали» в России.

Большинство негативных явлений в сфере смертности не преодолевались, а некоторые углублялись. Так, сохранялся большой разрыв между показателями смертности горожан и сельчан. В 1991 г. ее общие коэффициенты составляли 11,9 ‰ в деревнях края и 8,5 ‰ в городах, в 2019 г. – соответственно 15,2 и 11,4 ‰. Этот разрыв частично объясняется более старым населением в деревне. Но главные причины, конечно, лежат в разных уровнях доходов, качестве медицинской помощи, охраны труда, безопасности в обществе, различиях в витальном поведении.

Не преодолены критически большие различия смертности по полу. У мужчин ее уровень от всех причин намного выше. Например, в 2010 г. они умирали в 1,6–1,7 раза чаще женщин от болезней органов пищеварения, сердца и сосудов, в 2 раза – от новообразований, в 3,3 раза – от инфекций, в 3,6 раза – от болезней органов дыхания и внешних воздействий. Особенно большие различия между полами в рабочих возрастах. На эту часть населения пришелся основной удар реформ, и в ней сразу же взлетела смертность – с 540,8 чел. на 100 тыс. жителей в 1990 г. до 1 035,1 чел. в 1994 г. Затем она начала снижаться, но медленно, и вернулась к уровню 1990 г. лишь в 2019 г. (550,8 чел. против 490,0 чел. в целом по деревням РФ). При этом мужская смертность осталась в 3,4–3,8 раза выше женской¹⁵.

К достижениям красноярцев в борьбе со смертностью в постсоветское время относится снижение ее у младенцев. В 1991 г. младенческая смертность в деревнях края (24,7 ‰) была на четверть выше, чем в городах (19,5 ‰) и в сельской России (19,1 ‰). К 1999 г. она еще выросла до 32,0 ‰ – уровня конца 1950-х гг. Ее снижение началось с 2000 г., и к 2020 г. она уменьшилась в 5 раз – до 6,6 ‰, почти до уровня красноярских городов (4,8 ‰) и деревень России (4,9 ‰). В 2016 г. впервые в красноярских деревнях она опустилась ниже 10,0 ‰. В городах это произошло в 2008 г., в селах РФ – в 2009 г.¹⁶

Снижение смертности обеспечило рост ожидаемой продолжительности жизни населения при рождении (ОПЖ). По этому интегральному показателю здоровья и качества жизни людей удобно сравнить степень благополучия в деревнях с городами края и сельской местностью России в целом. Показатели ОПЖ в крае всегда были хуже среднероссийских: жизнь короче, а разница между полами, горожанами и сельчанами больше. Так, в 1991 г. ОПЖ сельских жителей в крае – 65,7 года – была на 3,1 года короче, чем в городах, и на 2 года короче, чем в сельской местности РФ (табл. 8).

Таблица 8

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
в Красноярском крае и Российской Федерации в 1991–2022 гг., лет

Год	Красноярский край						Российская Федерация, деревня		
	деревня			город			муж.	жен.	о.п.
	муж.	жен.	о.п.	муж.	жен.	о.п.			
1991	60,4	71,9	65,7	63,3	73,9	68,8	61,7	73,8	67,7
1994	54,2	68,0	60,1	55,1	69,1	61,5	56,7	70,7	63,1
2000	54,4	68,0	60,4	56,7	70,4	63,2	58,1	71,7	64,3
2005	53,7	66,5	59,3	57,6	71,6	64,3	57,2	71,1	63,5

¹⁵ Численность, состав и движение населения в Российской Федерации: стат. сб. М., 1992. С. 275, 280; Население [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32970> (дата обращения: 01.05.2023).

¹⁶ Число умерших детей до 1 года на 1 000 родившихся живыми за год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31166> (дата обращения: 01.05.2023).

Окончание табл. 8

Год	Красноярский край						Российская Федерация, деревня		
	деревня			город			муж.	жен.	о.п.
	муж.	жен.	о.п.	муж.	жен.	о.п.			
2010	58,5	71,2	64,2	62,7	74,6	68,7	61,2	73,4	66,9
2015	61,0	72,5	66,3	64,9	76,2	70,7	64,7	75,6	69,9
2019	63,2	73,4	67,9	66,6	77,0	72,1	67,4	77,4	72,2
2020	63,1	72,9	67,6	64,8	75,7	70,4	66,0	75,8	70,7
2021	61,9	71,1	66,1	64,0	73,6	68,9	65,1	73,9	69,3
2022	61,1	72,8	66,5	66,3	76,8	71,7	66,7	77,1	71,7

Источник: Ожидаемая продолжительность жизни при рождении [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 01.05.2023).

В постсоветское время динамика показателя ОПЖ в красноярских деревнях долго была неблагоприятной. С 1991 по 1994 г. он сократился на 5,6 года – до 60,1 года, и продолжал уменьшаться. Если в деревнях РФ и городах края «дном» провала стал 1994 г., то в красноярских деревнях – 2005 г., когда ОПЖ упала до 59,3 года – уровня 50-летней давности. Ее рост начался лишь с 2006 г. В 2010 г. она достигла показателей начала 1990-х гг., в 2019 г. – максимума в своей истории (67,9 года), а фактически едва превзошла высшее достижение советского периода (67,8 года в 1987 г.). Во время пандемии ОПЖ сократилась повсюду, но в разной мере и ненадолго. С 2022 г. снова начался ее рост. Рожденным в том году в деревнях красноярцам обоих полов предстоит прожить 66,5 года. Продолжительность жизни в деревнях края в настоящее время (в 2022 г.) лишь на 0,8 года длиннее, чем в 1991 г., тогда как городах она выросла на 2,9 года, в деревнях РФ – на 4,0. В 2022 г. жизнь сельчан была короче в крае, чем в России и у горожан, уже на 5,2 года.

За 30 лет женская жизнь в деревнях края стала длиннее лишь на 0,9, мужская – на 0,7 года. Достигнутый в 2019 г. наивысший показатель у мужчин – 63,2 года – был почти на 2 года ниже новой границы их пенсионного возраста, в 2022 г. – на 4. Разрыв между полами не преодолевается. В самые худшие годы он превышал 13 лет (в 1994 г. – 13,8 года, в 2000 г. – 13,6), а в 2022 г. составлял 11,7 года, больше, чем в 1991 г. (11,5 года). Столь глубокое гендерное неравенство перед лицом смерти – главная причина большого числа неполных семей и одиноких женщин в средних и старших возрастах в деревне.

Естественный прирост, интегрирующий результаты развития рождаемости и смертности, в красноярских деревнях находится в глубоком кризисе весь тридцатилетний период. До 1990-х гг. он частично компенсировал механическую убыль населения, а теперь и сам стал источником потерь (табл. 5). В 1992 г. он опустился на уровень простого воспроизводства (0,6 ‰), в 1993 г. стал отрицательным (–3,5 ‰). Впервые после войны в деревнях края началась депопуляция, в которую они вошли в режиме крутого пике. Перепады в динамике рождаемости и смертности по годам обусловили нестабильность размеров потерь. Но общая тенденция их устойчивого роста до середины нулевых годов была четкой. В 2005 г. в деревнях края отмечалась максимальная за постсоветское время естественная убыль населения – 6 116 чел. (–8,7 ‰).

С ослаблением после 2005 г. напряжения в сферах рождаемости и смертности началось сокращение естественных потерь жителей в красноярских деревнях. В 2012 и 2013 гг. там даже отмечался символический прирост – 0,2 и 0,3 ‰ (138 и 192 чел. соответственно). Но с 2014 г. рост естественной убыли возобновился. Он отличался от предыдущего более быстрыми темпами и твердой динамикой. Пандемия COVID-19 придала ему новый импульс.

На ее пике в 2021 г. потери достигли –8,6 % – уровня 2005 г.¹⁷ С 1993 по 2021 г. красноярские деревни лишились из-за отрицательного естественного прироста населения свыше 91,0 чел., немногим меньше, чем от механического оттока.

Заключение. Из анализа процесса воспроизводства населения в постсоветское тридцатилетие следуют однозначные выводы. Влияние реформ на сельское население Красноярского края, как и России в целом, было глубоким, но не радикальным, хотя большинство его демографических характеристик ухудшилось. В момент распада СССР красноярцы обладали множеством демографических преимуществ перед среднестатистическими сельскими жителями РСФСР: были моложе, имели равное соотношение полов, ниже уровень смертности от большинства классов причин, выше уровень рождаемости и естественного прироста.

В условиях последующей радикальной трансформации всего строя жизни темпы демографических процессов в деревнях края ускорились и стали выше аналогичных в деревнях РФ в целом. Сформировавшиеся ранее тенденции развивались в прежнем направлении. Воспроизводство сельского социума продолжало модернизироваться в рамках общероссийских трендов. Самым ярким проявлением модернизации стало постарение рождаемости и снижение до уровня развитых стран младенческой смертности. В числе антимодернизационных явлений осталась большая разница в параметрах процессов в городах и деревнях, в мужской и женской половинах социума.

Сильные колебания по годам динамики рождаемости, смертности и миграции свидетельствуют, что эти процессы не стабилизировались. Значит, теоретически остается возможность воздействия на них. Этот вывод особо актуален сейчас, когда с середины 2010-х гг. ухудшаются все их параметры и ускоряется убыль населения.

Красноярцы менялись быстрее, чем сельчане РФ. Они быстрее старели, значительно больше сократилась их численность, изменились соотношения в численности полов, стала глубже диспропорция между ними, на половозрастной пирамиде появилась новая «демографическая яма», созданная резким снижением рождаемости в 1990-х гг. У них стала выше смертность от всех классов причин, увеличилось отставание по величине ОПЖ. Красноярцы утратили все свои демографические преимущества и лишь сохранили чуть выше уровень рождаемости.

После проведенного анализа напрашивается вопрос: если на высшем государственном уровне признано, что негативные тенденции в демографической сфере России приняли угрожающий характер для ее национальной безопасности¹⁸, то как оценить ситуацию в красноярской деревне, где все показатели намного хуже? По ходу исследования возникло много вопросов. Самый главный – почему так резко ускорились и ухудшились все процессы в красноярских деревнях? Для ответа, безусловно, требуется тщательное изучение ситуации в крае и трезвая оценка ее перспектив с учетом общероссийских, краевых и внутрикраевых долгосрочных тенденций развития. Лишь это поможет понять суть происходящего с населением.

Литература

Бурматов А.А. Воспроизводство населения Западной Сибири в условиях перехода к рынку (1989–2002 годы) // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 187–202 [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-16.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).

Вербицкая О.М. Российское село в 1990-е гг.: аграрная политика и социум. М.; СПб.: Б.и., 2022. 336 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX вв.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Б.и., 2017. 350 с.

¹⁷ Общий коэффициент естественного прироста [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31267> (дата обращения: 01.05.2023).

¹⁸ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 30.04.2023).

Кышпанакон В.А. Население Хакасии в постсоветском периоде (1992–2022 годы). Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2022. 172 с.

Миграция населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2011. 392 с.

Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири // Формирование демографического потенциала Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во Сибирского отд-ния Российской акад. наук, 2014. 269 с.

Славина Л.Н. Население Восточной Сибири в контексте трансформации региона в постсоветские десятилетия // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Материалы: в 2 т. Иркутск: ИГУ, 2017. Т. 1. С. 55–60.

Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития // ЭКО. 2020. № 8. С. 48–65.

References

Burmatov, A.A. (2022). *Vosproizvodstvo naseleniya Zapadnoy Sibiri v usloviyakh perekhoda k rynku (1989–2002 gody)* [Reproduction of the Population of Western Siberia in the Transition to a Market Economy (1989–2002)]. In *Istorichesky kurier*. No. 4 (24), pp. 187–202. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-16.pdf> (date of accesses 01.05.2023).

Isupov, V.A. (Ed.). (2011). *Migratsiya naseleniya Aziatskoy Rossii: konets XIX – nachalo XXI vv.* [Migration of the Population of Asian Russia: The End of the 19th – the Beginning of the 21st Centuries]. Novosibirsk, Parallel'. 392 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX – XX vv.)* [Demographic History of Western Siberia (Late 19th–20th Centuries)]. Novosibirsk. 350 p.

Kuleshov, V.V. (Ed.). (2014). *Perspektivy i riski razvitiya chelovecheskogo potentsiala v Sibiri // Formirovanie demograficheskogo potentsiala Sibiri* [Prospects and Risks of Human Development in Siberia // Formation of the Demographic Potential of Siberia]. Novosibirsk, Izd-vo Sibirskogo otd-niya Rossiyskoy akademii nauk. 269 p.

Kyshpanakov, V.A. (2022). *Naseleniye Khakasii v postsovetskom periode (1992–2022 gody)* [The Population of Khakassia in the Post-Soviet Period (1992–2022)]. Abakan, Izd-vo Hak. gos. un-ta im. N.F. Katanova. 172 p.

Slavina, L.N. (2017). *Naseleniye Vostochnoy Sibiri v kontekste transformatsii regiona v postsovetskie desyatletiya* [The Population of Eastern Siberia in the Context of the Transformation of the Region in the Post-Soviet Decades]. In *Desyatye Baykalskie sotsialno-gumanitarnye chteniya. Materialy v 2 tomakh*. Vol. 1, pp. 55–60.

Soboleva, S.V., Smirnova, N.E., Chudaeva, O.V. (2020). *Demograficheskie problemy Sibiri v kontekste prostranstvennogo razvitiya* [Demographic Problems of Siberia in the Context of Spatial Development]. In *ECO*. No. 8, pp. 48–65.

Verbitskaya, O.M. (2022). *Rossiyskoe selo v 1990-e gg: agrarnaya politika i sotsium* [Russian Village in the 1990s: Agrarian Policy and Society]. Moscow, St. Petersburg. 336 p.